

А. И. Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Часть 3. ВЛАДИМИР-НА-КЛЯЗЬМЕ (1838-1839)

Электронная версия: [Павел Потехин](#)

Первые три части печатаются по изданию Герцен А.И. Былое и думы. Части 1 - 3. - М.: ГИХЛ, 1958.

Не ждите от меня длинных повествований о внутренней жизни того времени... Страшные события, всякое горе все же легче кладутся на бумагу, чем воспоминания совершенно светлые и безоблачные... Будто можно рассказывать счастье?

Дополните сами, чего недостает, догадайтесь сердцем - а я буду говорить о наружной стороне, об обстановке, редко, редко касаясь намеком или словом заповедных тайн своих.

(*"Былое и думы"*)

ГЛАВА XIX

Княгиня и княжна.

Когда мне было лет пять-шесть и я очень шалил, Вера Артамоновна говаривала: "Хорошо, хорошо, дайте срок, погодите, я все расскажу княгине, как только она приедет". Я тотчас умирался после этой угрозы и умолял ее не жаловаться.

Княгиня Марья Алексеевна Хованская, родная сестра моего отца, была строгая, угрюмая старуха, толстая, важная, с пятном на щеке, с поддельными пучками под чепцом; она говорила прищуривая глаза и до конца жизни, то есть до восьмидесяти лет, употребляла немного румян и немного белил. Всякий раз, когда я ей попадался (306) на глаза, она притесняла меня; ее проповедям, ворчанью не было конца, она меня журила за все, за измятый воротничок, за пятно на курточке, за то, что я не так подошел к руке, заставляла подойти другой раз. Окончивши проповедь, она иногда говаривала моему отцу, бравши кончиками пальцев табак из крошечной золотой табакерки: "Ты бы мне, голубчик, отдал баловня-то твоего на исправку, он у меня в месяц сделался бы шелковый". Я знал, что меня не отдадут, а все-таки у меня делался зноб от этих слов.

С летами страх прошел, но дома княгини я не любил - я. в нем не мог дышать вольно, мне было у нее не по себе, и я, как пойманный заяц, беспокойно смотрел то в ту, то в другую сторону, чтоб дать стрелка.

Княгинин дом вовсе не походил на дом моего отца или Сенатора. Это был старинный, православный русский дом. Дом, в котором соблюдались посты, ходили к заутрени, ставили накануне, крещенья крест на дверях, делали удивительные блины на масленице, ели буженину с хреном, обедали ровно в два и ужинали в девятом часу. Западная зараза, коснувшаяся братьев и сбившая их несколько с родной колеи, не коснулась житья княгини; она, напротив, с неудовольствием посматривала, как "Ванюша и Левушка" испортились в этой Франции.

Княгиня жила во флигеле дома, занимаемого ее теткой, княжной Мещерской, девицей лет восьмидесяти.

Княжна была живою и чуть ли не единственной связью множества